

От "примирения" - к "действию"

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.
Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 -- февраль 1841.
Подготовка текста В. Э. Бограда.
М., "Художественная литература", 1976
[OCR Бычков М. Н.](#)

Статьи и рецензии, собранные в настоящем томе, написаны в течение года: с февраля 1840-го по февраль 1841-го. Этот временной промежуток вместил целый этап духовной биографии Белинского: от разочарования в "примирительной" концепции до безжалостного осуждения своих недавних верований ("...болезненно ненавижу себя прошедшего..." -- из письма В. Боткину от 1 марта 1841 г.).

Столь же важным явилось и то, что критик все с большей ясностью осознавал в это время нараставшее несоответствие между особенностями своего характера, складом своего ума -- и преимущественным пребыванием в сфере чистой идеи. Уверенность в приоритете "жизни" над "теорией" пришла к нему не сразу, но навсегда. И не случайно именно этот постулат был воспринят русской критикой в качестве "завета Белинского". На взгляд Н. Г. Чернышевского, едва ли не основным стремлением в критической деятельности Белинского было стремление "к тому, чтобы объяснить публике значение литературы для жизни, а литературе те отношения, в которых она должна стоять к жизни, как одна из главных сил, управляющих ее развитием" {Чернышевский, т. III, с. 226.}. Аполлон Григорьев, во многом антагонист Чернышевского, полагал, что Белинский обладал "возвышенным свойством" -- "неспособностью закоснеть в теории против правды искусства и действительности" {Аполлон Григорьев. Литературная критика. М., "Художественная литература", 1967, с. 162.}.

Идеи, волновавшие Белинского, немедленно проходили испытание (далеко не во всех случаях с успехом) в статьях и рецензиях. Примечательно, что, переживая кризисное состояние, критик сохранил (и в иные месяцы даже повысил) творческую продуктивность -- жизненные обстоятельства не очень-то позволяли ему замкнуться в самом себе и предстать перед широкой аудиторией только с готовыми результатами интенсивной внутренней работы. Но обязанность писать в каждую книжку "Отечественных записок" составляла в то же время живую потребность Белинского.

Новые ориентиры обретались в ежедневной литературной работе.

"Я теперь совершенно сознал себя,-- писал Белинский В. Боткину 16 января 1841 года,-- понял свою натуру: то и другое может быть вполне выражено словом *Tat* {Действие (*нем.*). Употребляя это слово по-немецки, критик подчеркивал свое идейное родство с левыми гегельянцами в Германии (А. Руге, Э. Цешковским и др.), избравшими "*Tat*" в качестве девиза.}, которое есть моя стихия". И то, к чему пришел Белинский в начале 1841 года, являлось и философским кредо, и непосредственной жизненной установкой.

I

Как известно, сам критик позднее характеризовал свои "примирительные" воззрения как "дикие убеждения, занятые по слухам у гегелизма..." Сакраментальная формула Гегеля -- "все действительное разумно, все разумное действительно" -- не одного Белинского, впрочем, провоцировала на ложные умозаключения; Герцен в этой связи заметил: "Дурно понятая фраза Гегеля сделалась в философии тем, что некогда были слова христианского жирондиста Павла: "Нет власти, как от бога" {Герцен, т. IX, с. 22.}.

Но в России 30--40-х годов XIX века существовали и другие интерпретации гегелевской формулы. Н. Станкевич, например, отождествлял "разумную действительность" с "прямыми человеческими требованиями, без особенного уважения к натуральной действительности" {Переписка Н. В. Станкевича. 1830--1840. М., 1914, с. 473.}. Герцен же, принявшийся серьезно изучать Гегеля в 1839 году, во время ссоры с Белинским, сделал еще более решительный вывод: "...если существующий общественный порядок